

**Проблема проработки
имперско-советского прошлого**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ *

С.А. Никольский
Институт философии РАН

Аннотация: *Одна из явных примет общественной жизни современной России — это активное влияние властей на общественное сознание и, возможно в первую очередь, на историческую память. В особенности этот процесс усилился с начала 2014 года, с событий на Украине и в преддверии 70-й годовщины победы СССР в Великой Отечественной войне. Влияние осуществляется на всех уровнях государства — начиная от ежедневных сюжетов на телевизионных каналах и завершая инициацией в Государственной Думе законодательных предложений. Столь активные и масштабные информационные воздействия, имеющие целью влияние на историческую память народа не могут остаться без специального рассмотрения.*

Ключевые слова: *общество, личность, общественное сознание, государство, власть, политика, культура, история, историческая память.*

Обсуждение темы исторической памяти народа требует ответа на ряд вопросов. Что такое память народа в отличие от памяти индивида? Что такое народ и как протекает процесс формирования народной памяти? Какую роль память играет в восприятии настоящего и выработки образа желаемого будущего?

Надо отметить, что исследование проблем исторической памяти в последнее время вызывает все больший интерес. В этой связи сошлюсь на обстоятельный анализ, выполненный И.Е. Козновой [Кознова 2014].

В ответе на поставленные вопросы я буду исходить из принятого в психологии представления, согласно которому память индивида есть его способность сохранять восприятия и представления после момента переживания, а также быть хранилищем этих восприятий и представлений.

Если принять самое простое определение народа, то следует говорить о нем как множестве индивидов, а в связи с памятью — о формировании коллективной памяти при учёте множества индивидуальных. Как это происходит — вопрос отдельный [Хальбвакс 2007: 320–325]¹.

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-03-00192 «Образы прошлого в культуре и общественном сознании россиян XX – начала XXI века. Социально-философский анализ».

Из принятого понимания памяти видно её важное место в жизнедеятельности как индивида, так и народа, и ясно, что без содействия памяти в познании и мышлении мы не можем выйти за пределы непосредственно данных нам объектов и, что ещё важнее, создавать образы желаемого будущего.

В связи с проблемой долговременности памяти в случае индивида длительность хранения информации связана с возрастом, а в случае народной исторической памяти можно говорить о бессрочном сохранении её содержания². Однако в обоих случаях требуются усилия по поддержанию памяти в рабочем состоянии. Это либо усилия индивида, исходящие от сознания, либо усилия, исходящие от сообщества и власти.

В понятии «память народа» термин «народ» может толковаться в нескольких аспектах. В этническом «народом» именуют социально-биологическую общность людей. В культурном аспекте под «народом» подразумевается причастность людей к общности, в которой индивиды руководствуются общими выработанными культурой смыслами и ценностями. В этом случае о «народе» можно говорить как об общности, отличающейся от других «цивилизovanностью» — в том числе, в имеющемся качестве жизни, степени воспитанности, привычных образцах поведения, образованности и т. п. В случае, когда народ или власть рассматривают себя как политическое единство, как граждан, говорят о нации.

* * *

Процесс индивидуального самосознания (в отличие от самосознания коллективного) своими источниками имеет личное познание и личный опыт. То и другое со временем делается памятью — сохранёнными восприятиями и представлениями. Индивидуальная память как часть самосознания личности всегда субъективна. Это происходит уже в силу изначально неповторимых качественных характеристик людей. И здесь скрыт кардинальный вопрос: как на основе индивидуально разнообразного возникает однообразное, которое мы называем коллективной памятью? При этом, как отмечает, например, М.Г. Писманик [Писманик 2000], надо иметь в виду, что память не единственный ключ или мотив в формировании и реализации установок самосознания. Не менее важны, как правило, не выходящие на «экран осознания» чувственные механизмы, где такие, например, чувства как зависть, неприязнь, агрессия неосознанно доминируют над социокультурными феноменами. И также надо понимать, что в реализации установок самосознания решающую роль все же играет не столько память, сколько индивидуальная воля.

Процесс создания коллективной памяти идёт как стихийно, так и целенаправленно. В случае стихийности нивелировка памяти многих индивидов происходит уже в силу существования людей в составе сообществ, что неизбежно предполагает их свободный диалог, взаимное влияние друг на друга, приводит к выработке коллективной памяти. Ясно, что взаимодействие индивидуального и общенародного всегда опосредуется через групповое — этнос, класс, страту, корпорацию, конфессию, партию, профессиональную группу и проч. Групповое же всегда разнообразно ангажировано (идеологизировано) и консолидировано на эгоистическом «своем», и потому коллективное самосознание (равно как и память) — это не нечто «усреднённое», а конкретно-специфическое.

¹ Хальбвакс, например, полагает, что индивидуальная память не существует сама по себе, она всегда «социально оформлена».

² Здесь, однако, следовало бы поставить вопрос о различии и изменениях в содержании памяти, которые имеют место при её разном «возрасте» и соответствующем изменении содержания в её индивидуальном и коллективном бытии. Очевидно, что в зависимости от длительности хранения информация претерпевает изменения.

Но есть и другой способ создания коллективной памяти, когда индивидуальная память целенаправленно преобразуется, например, властью под шаблоны, задаваемые ею извне [Никольский 2014а: 70–79]. И власть имеет дело не столько с индивидуальными (массовидными) субъектами и почти воображаемым общенародным, сколько с групповым. Это более сложный случай, потому что здесь отбрасывается элемент свободы и случайности, а, напротив, ставится цель, намечается результат для достижения, в соответствии с которым содержание коллективной памяти должно отвечать поставленной задаче.

Поскольку в моих рассуждениях возникают понятия государства и власти, то они должны быть определены. В понимании государства я буду исходить из того, что оно представляет собой особо сложную структуру, которой суверен власти — народ — передаёт исключительное право властвовать. Государство есть совокупность институтов и инструментов, созданных для работы на общее благо. В историческом процессе под давлением общества и в результате собственных усилий их совершенство и могущество непрерывно возрастает. Начиная с эпохи капитализма, первого в истории рационального социально-экономического строя, эти институты и инструменты действуют в рамках всесторонне разработанной и непрерывно совершенствуемой системы права. Такое понимание власти (государства) близко к тому, которое, при множестве уточнений, даёт Бертран де Жувенель. Принципиально важно отметить, что «власть имеет законный характер только благодаря своему соответствию тому, что люди расценивают как законную форму Власти; она имеет благотворный характер только благодаря соответствию своих целей тому, что, по мнению людей, является благим» [Жувенель 2010: 51]. Очевидно, что в полной мере определение благого характера государства относится и к тому, к чему люди имеют личное отношение — к памяти.

Есть множество дефиниций власти. Но если выделить в них инвариант, то он будет таков: властвовать — значит принимать решение за другого. То есть, в случае формирования коллективной памяти власть ставит цель изменить память многих индивидов таким образом, чтобы они стали обладателями коллективной памяти с общим унифицированным содержанием. С какими трудностями власть в этом случае встречается?

Изначальное (в том числе и биологическое) разнообразие людей обуславливает разное содержание их личной памяти. Но в том случае, когда речь идёт о возникновении личной памяти на основе индивидуального опыта, люди всегда имеют дело с частью какого-то общего предмета (дела) и отдают себе отчёт в частичном знании и, соответственно, частичной памяти. Далее они готовы к корректировке своих индивидуальных восприятий и представлений, к тому, чтобы придать своему частичному опыту целостный и согласованный коллективный характер. Но люди рассчитывают, что сделано это должно быть при свободном согласовании.

Вместе с тем, в процессе превращения индивидуальной памяти в коллективную у индивидов имеется не только готовность к соединению частей в целое, но они включены и в противоположный по характеру процесс. Каждый индивид желает полного приятия своего частного и корректировки (частичной нивелировки) чужой памяти. Это связано с тем, что люди руководствуются не только индивидуальным восприятием или свободно избранным нивелирующим коллективным воздействием. Через воспитание и образование они погружены в мир культуры — в мир смыслов и ценностей и делают этот мир частью себя. Смыслы и ценности культуры, во-первых, изначально изменяют восприятие и представления, посредством которых индивид получает личный опыт. И, во-вторых, они выступают опорой, препятствующей отдельному индивиду нивелировать свой личный опыт (свою личную память) под воздействием «усредняющего» действия других индивидов в процессе выработки целостной коллективной памяти. В случае свободного согласования своей индивидуальной памяти между собой между собой люди опираются на личный культурный потенциал и в свободном диалоге вырабатывают коллективную (народную) память.

Такое действие людей в отношении друг друга — одно из проявлений того, как в них самих проявляется их «свободная экзистенция». Без этого проявления человек не становится собой в полной мере, он существует как «отчуждённый от самого себя» [Бибихин 2012: 155–156]. Думаю, что человек не становится собой и в том случае, если не формулирует в себе личную память, не делает её частью памяти коллективной.

Именно этой необходимостью и готовностью людей к согласованию индивидуальных частей ради целого и пользуется власть. В отличие от свободного процесса реформирования индивидуальной памяти индивида в коллективную память народа, власть как группа управляющих индивидов, сделавшая своей функцией норму принимать решение за других, стремится придать этому процессу характер, соответствующий её собственным интересам.

Выполняя эту работу, власть преследует две цели: сохранения своего властного *status quo* и выработки единого для сообщества, отвечающего её собственным интересам образа желаемого будущего. Также она ставит цель организовать дальнейшую жизнедеятельность сообщества таким образом, чтобы желаемое сообществом будущее соответствовало именно её видению.

Преследуя свои цели, власти нужно прилагать усилия для работы в нескольких направлениях. Во-первых, ей нужно изменить ту коллективную народную память, в которой содержится знание о прошлой культуре. В этой памяти нужно либо заменить содержание (частично даже уничтожив его), либо придать новое содержание отдельным имеющимся в культуре смыслам и ценностям, либо сместить акценты, либо, наконец, сделать все вместе.

В качестве примера частичного изменения народной памяти посредством изменения культурного смысла приведу случай «реформирования» образа известного персонажа романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» дворянина Швабрина. Этот офицер при взятии крепости бунтовщиками изменил присяге и перешёл на сторону Пугачева. Для Пушкина Швабрин — изменник. Но в сталинской России его поведение получило иную трактовку. Оно интерпретировалось как стремление лучшей части русской аристократии поддержать восставший против самодержавия народ. Так, известный литературовед Леонид Гроссман писал: «... На образе бунтующего офицера-аристократа — вероятно, не без аналогии с героями 14 декабря — Пушкин хотел обосновать свои заветные раздумья о близости лучших русских людей не к императорскому трону, а к народной массе» [Гроссман 1960: 474].

Создавая нужную ей народную память, власти, во-вторых, предстоит изменить имеющиеся у людей их индивидуальные восприятия и представления, то есть, их индивидуальную память. Для этого нужно, например, изменить содержание тех личных отношений, которые реально есть у индивидов. Мы хорошо помним историю с переделкой известного романа Александра Фадеева «Молодая гвардия». Познакомившись с реальными событиями, какими они предстали в рассказах живых свидетелей донбасского подполья, писатель создал первую версию романа. Она, однако, не удовлетворила тогдашнее партийное руководство и Фадееву в угоду поставленной задаче пришлось переделывать роман, вводя в него не существовавшее в реальности партийное руководство молодогвардейцами. Не выдержав давления властных жерновов, писатель в предсмертном письме сообщал о дальнейшей невозможности для себя жить прежней жизнью, о полном недоверии к людям власти, «ибо от них можно ждать ещё худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды. Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, уйду из этой жизни» [Не вижу возможности дальше жить... 2015].

На основе этих двух процедур — изменения культурных смыслов и манипуляций с индивидуальной памятью — власть приступает к созданию угодной ей официальной истории, делает очередной шаг к достижению цели реформирования сознания народа.

Процесс создания официальной истории и переформатирования сознания народа включается далее в ещё более масштабную работу — проводимую властью процедуру коммеморации. Коммеморация — это способ скрепления на новых основах старого или даже создания нового сообщества, включая подчинение народа власти на основе её современных потребностей и задач, для чего используются новые версии (интерпретации) прошлых событий, образов, персоналий. Такова в общих чертах технология манипулирования исторической памятью народа.

Процедуры манипулирования означают отъем у человека права принимать решение, руководить самим собой. Такого рода действие — прямое преступление против свободы и ответственности. Однако в том случае, когда люди по доброй воле принимают своеволие власти, мы имеем дело не столько с властным насилием, сколько с собственной незрелостью индивидов. Ещё И. Кант констатировал: «*Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом!* — таков, следовательно, девиз Просвещения.

Леность и трусость — вот причины того, что столь большая часть людей, которых природа уже давно освободила от чужого руководства (*naturaliter maiores*), все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними; по этим же причинам так легко другие присваивают себе право быть их опекунами» [Кант 1966: 25].

В контексте сказанного естественно задуматься о реальной ситуации в России. Создание народа с «новым» сознанием и, соответственно, с новой коллективной памятью — одна из давнишних и даже традиционных задач, решаемых в нашей стране легитимной самодержавной властью, теми, кто намерен ею овладеть или фактически учредил. В начале XIX века, в царствование Николая I, сознание народа пытались преобразовать в соответствии с формулой «Самодержавие. Православие. Народность». Для этого из университетов, в частности, изгонялась философия — главный наставник человека в свободе мышления. Рты пытавшихся говорить смельчаков забивали цензурными кляпами. Петр Чаадаев, автор «Философических писем», был объявлен сумасшедшим, творения Пушкина лично рецензировал император.

В конце XIX века разночинцы и революционные демократы предрекали и реально работали на выработку сознания «новых людей», коими высокие ценности культуры опошлялись или отбрасывались. На авансцену жизни толпой повалили люди из «подполья», оттеснив вызывавших умиление «маленьких людей», которые ещё прежде вытеснили лучших из дворян — людей чести и достоинства.

Советская власть, далее, из всех сил трудилась над созданием «коммунистического человека». Однако объединить в народное целое Макара Нагульнова и Степана Копенкина [Никольский 2014b] не удалось даже ей. Не чуждается подобных занятий и современная власть. Диапазон её действий широк: от попыток «моральной» коррекции отечественной классической литературы посредством элиминации из школьных курсов «развратных» Катерины Кабановой и Анны Карениной до идеи реформирования Российской академии наук посредством раздробливания на временные творческие коллективы высокопрофессиональных академических институтов.

* * *

Могучим основанием собственного личностного строительства и, одновременно, естественной преградой против манипулирования индивидуальной и коллективной памятью вы-

стует культура. Духовная культура представляет собой сложно организованную совокупность смыслов, ценностей, представлений и установок, присутствующих и вырабатываемых в обществе и разделяемых его членами. Она формируется общественной средой, религией, общей историей и передаётся от поколения к поколению посредством воспитания детей, религиозных практик, системы образования, средств массовой информации, всей совокупностью отношений между людьми.

Важно также учитывать, что то первоначальное, что требуется при подготовке к рассмотрению вопроса об изменении (переформатировании) культуры, есть чёткое понимание, что сама нация, признавая определённое несовершенство своей экономической и культурной жизни, должна настраиваться на позитивные перемены, то есть относиться к ним не агрессивно-негативистски, а творчески-конструктивно, ориентируясь не столько на вопрос «Кто виноват?», сколько на вопрос «Что мы сделали не так и как неправильное переделать?» Без этого вызревшего в обществе понимания необходимости перемен никакие серьёзные изменения невозможны.

Ориентируясь на «конструктивный» вопрос, попробую выделить в русской культуре те негативные элементы, которые, как мне кажется, в ней имеются и которые препятствуют желаемым переменам. Обратившись к результатам исследований, проведённым, в частности, специалистами по развитию ООН во многих странах мира в течение ряда лет [Харрисон 2008], мы можем из ряда выделенных ими явлений обратить внимание на те, которые имеют место и в российской действительности. В первую очередь это явления, генетически связанные с самовластьем и крепостным правом — российским рабством, отменённым менее ста пятидесяти лет назад, а также с наследием недавнего советского прошлого — «второго крепостного права большевиков».

Не меньшей социально-культурной проблемой является самовластье — глобальная общественная идея, сопровождающая на протяжении всей истории российское общество и работающая на всех уровнях — от высшего руководителя до отдельного индивида.

Как преодолеть эту идею, то есть, выходить из состояния самовластья? Конечно, это задача на длительную перспективу, но её содержание и сопряжённые с ней вопросы должны быть осмыслены и сформулированы уже сейчас, поскольку от формулировки до осознания и поведенческого стереотипа проходит немалое время.

Кроме того, у этой задачи есть дополнительная сложность. Состоит она в том, что её направленность и технологии решения предполагают усилия народа по изменению самого себя. Ранее почти всегда вектор исторических усилий россиян был направлен либо в сторону чего-то внешнего — защита, приобретение колоний, либо, если нацеливался внутрь, то носил разрушительный характер — ликвидация буржуазии, зажиточного крестьянства ит. п.

Однако отказ от самовластья — негативно сформулированная идея. Какой она может быть в позитивном ключе?

Коротко ответ заключается в том, что общество и государство должно осознать, преобразоваться и научиться жить при власти и вообще первенстве «лучших». «Лучшие» — это один из фундаментальных вопросов, который сопровождает людей в их истории: как сделать так, чтобы власть в государстве и обществе принадлежала именно им³.

Основаниями властвования в разное время были родовитость, личные достоинства и доблесть, богатство, наследование, насилие, эффективность в отстаивании корпоративных или национальных интересов. В прошлом властвование (за исключением случаев наследования и насилия) было финалом успешной конкурентной борьбы достойных претендентов. Новейшая (в частности, российская история) показывает, что личных качеств претендента, а

³ Термин «элита» из-за неопределённости и девальвации его истинного содержания в российских условиях я бы не употреблял.

также сопутствующих оснований — богатства и насилия — уже не достаточно. Более важным фактором победы в борьбе за власть и её удержание стало манипулирование сознанием (в том числе, оглушение, варваризация) народа. И чем народ менее культурен (просвещён, образован, воспитан, социально активен, умеет жить своим умом), чем более ориентирован на коллективистские ценности, тем легче достигается желаемый результат. Таким образом, культура народа, не менее, чем экономические условия жизни, делается важнейшим условием прихода к власти «лучших», фактором общественного прогресса.

Возвращаясь к теме рабства, следует отметить следующее. По своим историческим последствиям рабство пагубно тем, что формирует у людей психологию зависимости, развивает пренебрежение к труду, ориентирует на прошлое и настоящее, но игнорирует будущее. В результате общество оказывается склонным к воспроизведению архаичной централизованной, авторитарной, коррумпированной системы правления, а его культура начинает характеризоваться рядом негативных черт. Среди них, прежде всего, низкий уровень уважения людей друг к другу, сокращение «радиуса доверия» до лиц ближайшего круга. Складывается и начинает признаваться за норму крайняя неравномерность в распределении богатства. Люди привыкают думать о себе как о зависимых от произвола властей. В их сознании укрепляется вера в то, что успех приходит не в результате длительных и систематических усилий, которые может предпринять каждый, а как результат сочетания удачи и коварства, что выпадает на долю далеко не всякого и чем всякий, если он «умный», непременно воспользуется. Приучаясь жить в условиях несвободы, люди привыкают к социальной безответственности, начинают считать нормой коррупцию и nepотизм. Привычка к пассивному отлыниванию от труда подкрепляется абсурдной идеей престижности праздной жизни, в которой «слово» не связано с «делом», равно как ответственности и дисциплины. Неуважение к закону становится повсеместным, нередко переходя в свое продолжение — насилие. Во всех неудачах винят кого угодно, но только не самих себя.

В свою очередь, на почве этих «культурных ценностей» произрастают национализм, когда на первое место ставятся «свои», свое с ними «кровное родство» и «общее местообитание». В таком обществе процветает популизм, включая идеи и практики перераспределения богатств до того как они созданы, этатизм как право и готовность государства делать в экономике больше, чем оно должно, а в социальной сфере — меньше, чем обязано, равно как и протекционизм, при котором наказывают потребителей и не требуют эффективности от производителей.

Ситуация с культурой как совокупностью высоких смыслов, ценностей, представлений и установок в России специфична в сравнении с другими странами. Действительно, сама по себе отечественная культура, начиная с Радищева, Фонвизина и Грибоедова, являет собой огромное богатство, которое могло бы одухотворить не одну нацию. Однако, для большинства россиян по их небрежению, лени и нелюбопытству оно, как сказочный город Китеж, остаётся невидимым. Многие смыслы и ценности, глубоко продуманные и сформулированные именно русской культурой ещё в начале XIX столетия, с тех пор не востребованы или же отодвинуты на задний план. Так, воспетые Пушкиным ценности человеческого достоинства и свободы сегодня вряд ли стоят в первом ряду. То же можно сказать и об основополагающем смысле человеческого общежития, согласно которому человек не может быть средством, но всегда — лишь целью для другого человека. Мало востребованы и выработанные Тургеневым, Гончаровым и Толстым именно для «народного употребления» ценности и смыслы привязанности русского человека к природе, ценности дома и хозяйства, дела и недеяния, жизни и смерти, живого и мёртвого. Вне поля внимания остались лесковские идеи о нравственной пагубности любого насилия, пусть даже совершаемого для справедливого возмездия или ради великой и благородной идеи. Вместе с тем, в сознании прочно закрепилось

сочувствие именно к «маленькому человеку» (будто страдания «больших людей» меньше и заслуживают меньшего внимания), равно как и вдавненное катком советской пропаганды оправдание революционного насилия и террора, допустимости использования любых средств ради намеченной цели.

Богатое, но не востребованное наследие, извращения советской пропаганды и высокая степень равнодушия к ценностям и смыслам культуры делают актуальным поиск ответа на вопрос — на какие именно смыслы, ценности, представления и установки должны быть заменены те, которые нуждаются в замене? Так же прагматически существенна и тема об адресате трансляции культуры. А за ней возникает вопрос о технологии замены одних элементов культуры другими. Все это имеет прямое отношение к теме памяти, поскольку содержится именно в ней.

Конечно, работа по «инвентаризации» смыслов и ценностей, которыми мы в основном руководствуемся сегодня и об их эффективности при намеченном переходе к новому общественному строю жизни, огромна и должна выполняться специально. При этом важно помнить, что национальное самосознание обладает своеобразной гордостью и просто «заменить» в нем одно другим бывает сложно. Гораздо легче, если в такой политической инициативе присутствует хотя бы элемент преемственности, есть возможность опоры на прошлое, в том числе — на сформулированные ранее позитивные отечественные смыслы и ценности. И таковые в русской культуре безусловно есть. Это, например, ценность созидательного труда.

Так, обращаясь к хрестоматийному примеру, не стоит все внимание акцентировать на мировоззрении «недеяния», которое исповедует Илья Ильич Обломов и при этом уничижительно рисовать его друга Андрея Штольца лишь «предприимчивым дельцом». Заметим, что у самого Гончарова таких красок в портрете Штольца нет. Штолец — антипод Обломова только в деятельности. В том же, что касается порядочности, души и сердца, — они братья. Иначе не понятно, во-первых, почему Илья Ильич так любит Андрея Ивановича и, во-вторых, как его могла полюбить Ольга Ильинская. Изображение Штольца в качестве беса деячества — ещё один результат идеологической работы советского литературоведения, для которого истинно положительным героем мог быть только ниспровергатель-революционер [Никольский, Филимонов 2009].

В этом же ключе нам «преподнесён» и тургеневский Евгений Базаров. А ведь мысль романа состояла в том, что настоящим нигилистом оказывается российская действительность, в которой нет места для профессионала и неутомимого трудоголика: герой гибнет от яда мужицкого трупца.

По-иному видятся и чеховские персонажи — доктор Астров, предприниматель Лопухин, герой повести «Моя жизнь» Мисаил Полознев и другие. Каждодневное будничное дело — истинная ценность и явление, которое должно появиться и появляется в российской действительности и к которому вынуждено приспособляться российское общество.

Не менее, чем содержание, существенен и вопрос об адресате — на кого следует ориентироваться: на весь народ или на его элиту? Думаю, и в этом вопросе специальная селективная идеологическая работа более чем не уместна. Культура — открытое для всех богатство и право каждого желающего пользоваться им. Принадлежность людей к определённой сословию, безусловно, не должна быть «пропуском» или «клеймом». Дело в готовности каждого к жизни по цивилизационным нормам и правилам, в признании верховенства закона и стандартов культуры. А вот то, что в зависимости от состояния общества, от избранных им ориентиров и определённых целей требуется выборочная активизация и, напротив, торможение определённых ценностей, смыслов, представлений и установок в системе культуры, должно быть рассматриваемо как необходимая технология общественного развития, технология реформирования культуры и созидательного конструирования исторической памяти.

* * *

Избранный аспект в теме исторической памяти народа предполагает более конкретный разговор о политических отношениях граждан, о народе как о нации, в том числе — в её взаимодействии с властью. В дальнейших рассуждениях на этот счёт я исхожу из того, что исторической формой, идущей в России на смену империи, является национальное государство [Никольский 2013]. Национальное государство в современном виде это, конечно, не государство, в котором доминирует один из этносов, например русский. Нация — понятие надэтническое, обозначающее гражданское единство. В таком государстве граждане принадлежат к разным этносам, социальным группам, пользуются не только языком межнационального общения, но и иными языками, исповедуют разные религии. Объединяет их то, что все они признают верховенство права, а не верховенство религии или этнических обычаев, прояснили «тёмные пятна» в толковании своих исторических судеб, солидаризировались в своей культурной общности, обрели согласие в видении своего общего будущего.

Совместно с государством как общенациональным институтом граждане реализуют свои интересы в общем деле — создании и поддержании свободного, демократического, открытого и миролюбивого общества. В сфере экономической жизни это общество построено на основах частной собственности и конкуренции, в социальной жизни — на гарантированном достаточном уровне благосостояния, на доверии, сотрудничестве и взаимной поддержке. В таком обществе государство перестаёт быть инструментом реализации воли правителя, а становится нанятым гражданами эффективным управляющим, в той же мере контролируемым законом как и любой гражданин.

В выработке представлений об общих целях и путях дальнейшего общественного движения одно из центральных мест отводится исторической памяти. То, как в данной культуре понимается и толкуется прошлое, влияет на основные представления граждан о самих себе, о своей стране, о её месте в мире.

В современных обществах прошлое на протяжении последних двух десятилетий активно исследуется и, нередко, пересматривается. Не является исключением и состоящая из множества этнонациональных регионов Россия. Трактовки целых периодов в истории нашей страны часто вызывают полемику. Хорошо, что до поры она не переходит на уровень противостояния социально-политических сил. Однако утешаться этим «до поры» не стоит.

Очевидно, что сегодня прошлое стало полем интеллектуальной борьбы. Иногда эту проблему пытаются решать либо насильственным навязыванием сверху «единственно верного» понимания истории, либо пытаясь уйти от ответов на вопросы истории, которые «травмируют» общественное сознание, либо посредством её приукрашивания, придания ей вида «счастливой».

Такие варианты воссоздания исторической памяти не только ущербны, но и опасны. И не только потому, что надолго оставить без ответа насущные вопросы все равно не удастся, но и потому, что такой подход ведёт к культурной деградации тех социальных слоёв, от которых такой запрос исходит. Увёртки и манипуляции с целью создания «красивого» прошлого невозможны без целенаправленного выведения общественного сознания за пределы культуры, без превращения массового сознания в варварское, при котором правы всегда «мы — герои», а неправы всегда «они — злодеи».

У каждого народа, живущего в России, есть свое знание о собственном прошлом, в котором есть не только светлые, объединяющие страницы, как, например, общая борьба против немецко-фашистских захватчиков в Великой отечественной войне, но и страницы, нуждающиеся в объективной оценке произошедшего. В какой мере этот и иные подобного рода примеры становятся сегодня поводом для переосмысления нашего общего исторического про-

шлого, для его справедливой оценки и, если требуется, признания своих ошибок? Не думаю, что переосмысление идёт такими масштабами, какие требуются.

К сожалению, даже в научной среде есть прямо противоположные подходы к проблеме национального единства. Вот как формулирует имперскую позицию России М. Ноженко: «Присоединяем мы к себе народы, или даже силой оружия покоряем — для их же Блага — с нами Бог! А если они с нами, то и с ними Бог. Россия потому и Россия, что она всегда права» [Ноженко 2007].

В содержательном анализе исторической памяти до сих пор остаётся актуальной выработанная в отечественной философии формула, в свое время высказанная Э.Ю. Соловьевым: важнейшая нравственная задача всякого национального самосознания — это отречение от национального эгоизма и его застарелых грехов [Соловьев 2001].

Ситуация, в которой прошлое переделывается под «благие» властные или потребительские цели, опасна ещё и потому, что под вопросом оказываются перспективы общественной консолидации на основе консенсуса не только по поводу оценок прошлого, но и выбора образа желаемого будущего.

К числу первых базовых оснований единения людей в национальном государстве кроме исторической памяти, смыслов и ценностей культуры относится патриотизм. Патриотизм (от греч. *πατριώτης* — соотечественник, *πατρίς* — отечество) — нравственный и политический принцип, а так же социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность человека подчинить ему свои частные интересы.

Вместе с тем, в наименовании «патриот» (ко многому обязывающему и лестном для каждого), заключены сложные вопросы. Во-первых, наше Отечество, как для других людей их собственное, в своей истории и в настоящем являет не только совокупность достойных и благих дел, но также дел недостойных, заслуживающих осуждения, вредных. Прославляя, гордясь и указывая в качестве примера на первые, мы, если хотим оставаться справедливыми, должны осуждать вторые. Если же оправдывать и дела недостойные только потому, что они совершены нами (то есть, исходя из того, что своих осуждать нельзя), то это, очевидно, патриотизм эгоистичный, племенной.

Впрочем, в том, что считать достойным и благим, а что — постыдным и вредным, от нас, жителей страны, требуется согласие. Если таковое достигнуто, то мы можем величать друг друга патриотами, но если согласия нет, то тут возможны два пути. Первый — осуждать свое Отечество, но обычно это считается непатриотичным. Второй — обманывать себя, закрывать на безобразия глаза и упрекать в отсутствии патриотизма тех, кто безобразия осуждает.

Ещё более сложно обстоит дело со второй частью определения патриотизма — с готовностью подчинить свои частные интересы интересам Отечества, то есть государства и/или общества. Примеры, когда при наличии противостояния личного и общественного индивид принимает решение жертвовать личным ради общественного, не столь часты. Напротив, мы видим, что преимущественно приоритет отдаётся личному. Но обычно тот, кто так поступает, склонен доказывать, что его личное совпадает с общественным и он — патриот.

При каких условиях достигается совпадение интересов личности и общества и чувство патриотизма, равно как и патриотический поступок, для человека органично и естественно? На мой взгляд, составными частями процесса правильного развития и согласования интересов личности (индивида) и общества (государства) выступают «просвещение» и «гражданственность» и в этом случае результатом их проявления становится «патриотизм».

Для проявления истинного патриотизма человеку требуется мужество. А его основа, как известно, знание. Без знания нет ума, которым человек может воспользоваться. Речь, однако, не идёт о какой-либо обширной образованности. Для решимости «пользоваться своим умом»

человеку нередко достаточно трезвого взгляда на вещи, знания в какой-либо одной сфере. И именно на основе этой трезвости или знания от него естественно ожидать мужественного использования своего ума.

Для пояснения сказанного и более полного раскрытия темы патриотизма, обращусь к одному из наиболее ярких и глубоких литературных произведений на эту тему — философскому сказу Н.С. Лескова «Левша». Как точно подметил литературовед Л.А. Аннинский, «баснословие» Лескова звучало «вызовом тому истовому, страшно серьёзному, почти молитвенному народолюбию, которым было тогда охвачено общество» [Аннинский 1973]. Народолюбие же, как известно, было одним из тогдашних синонимов патриотизма.

Завязка сказа в том, что во время посещения Англии император Александр Павлович составил себе мнение, будто тамошняя оружейная кунсткамера содержит такие совершенства, «что как посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим знанием никуда не годимся» [Лесков 1973: 475]. Ему оппонирует сопровождающий атаман Платов. Однако его возражение — «мои донцы-молодцы без всего этого воевали и двенадцать язык прогнали» нельзя признать превосходящим замечание Александра I.

Впрочем, в одном месте повести, рисуя образ Платова, Лесков выбивается из вроде бы определённой ему роли — олицетворения грубой силы, слепо любящей Родину. «Мысль Платова» была: «что и наши — на что взглянут, все могут сделать, но только им *полезного ученья нет*». (Здесь и далее выделено мной. — С.Н.). И совсем неожиданное, имеющее отношение к загадочному тезису о «полезном учении»: Платов мысленно «представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на все другие правила жизни, науки и продовольствия, и *каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нем совсем другой смысл*» [Лесков 1973: 480].

Что значит зашифрованный автором тезис «абсолютные обстоятельства» перед каждым человеком? Думаю, одна из разгадок — указание на такое устройство общества, при котором, во-первых, между человеком и неким Абсолютом нет промежуточного звена-посредника, как, например, самодержавного монарха в России. И, во-вторых, что каждый член общества равен всем остальным как в общественном сознании, так и в реальности, перед лицом закона.

Концентрированный тезис об «абсолютных обстоятельствах» будет далее раскрыт на примере увиденного левшой⁴ английского общества, жизни, личности и производственной деятельности работников, упоминаний о человеческих правах и «человечкиной душе». Именно на этой содержательной основе читатель составит себе представление об английском патриотизме и ему чётче будет видна та малая жизненная почва, на которой произрастает патриотизм российский, чья малая искра мелькнула в левше.

Итак, напоследок англичане дарят императору стальную блоху, умеющую танцевать, а император даёт задание Платову изыскать способ, «чтобы англичане над русскими не предвзвышались». Получив от атамана наказ, тульские мастера не просто оказались вынуждены посредством своих знаний (снова вспомним Канта) «жить своим умом», но были к этому обязаны. Они начинают действовать. Определив, что соперничество с англичанами вероятнее всего возможно в военной сфере, они выбирают именно того святого, который олицетворяет собой «военное одоление» и отправляются не в Москву или в Киев, а к «профильному» святому — «мценскому Николе». После возвращения, приняв решение как именно следует действовать, они изменяют весь порядок своей жизни, а именно — отделяются от мира и своего сообщества, наглухо закрывшись в отдалённой избе. Решение о том, как ответить англичанам они оставляют исключительно за собой, не посвящая в это даже Платова.

⁴ Наименование тульского мастерового иногда обычно употребляют как его собственное имя. Я же сохраняю авторское написание.

Думаю, что образом и поведением тульских мастеров Лесков как бы иллюстрирует кантовский тезис о просвещении, добавляя к идее философа о мужественной решимости жить своим умом необходимую для этого основу: такая решимость возможна только у человека, обладающего знаниями.

Соревнование русских мастеров с англичанами, как известно, завершилось вничью. С одной стороны, туляки превзошли англичан своим природным мастерством, в том числе и тем, что обходились без «мелкоскопа» («а у нас так глаз пристрелявши», — поясняет левша), но, с другой, «нимфозория» перестала делать тансе.

Разбирая эту ситуацию после пояснений левши об образованности русских исключительно церковными книгами, англичане делают крамольное для нас заявление: «...Лучше бы, если б вы из арифметики по крайности хоть четыре правила сложения знали, то бы вам было гораздо полезнее, чем весь Полусонник. Тогда бы вы могли сообразить, что в каждой машине расчёт силы есть, а то вот хоша вы очень в руках искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, как в нимфозории, на самую аккуратную точность рассчитана и её подковок несть не может» [Лесков 1973: 496].

Далее в лесковской повести обнаруживается ещё одна важная составляющая патриотизма — гражданственность. Как военный оружейник, обладающий недюжинными знаниями в своей области, левша обнаруживает, что посещавшие до него английский завод русские генералы знакомились с изготавливаемыми там ружьями в прямом смысле слова, не снимая перчаток. Левша же, когда засунул палец в ствол, обнаружил гладкую поверхность, что дало ему возможность заключить: англичане ружья, как мы, кирпичом не чистят и потому у них пули в стволах «не болтаются». Его последние слова перед смертью: «Скажите государю, ...чтобы и у нас не чистили, а то, храни Бог войны, они стрелять не годятся» [Лесков 1973: 503]. Ощущая себя причастным к общему делу защиты Отечества и имеющий мужество на основе знаний пользоваться своим умом, гражданин левша заслуживает имени патриота.

То, что происходит с левшой, как только он сходит с трапа английского корабля на русскую землю, горько, но не удивительно и даже обыденно, как мы понимаем, не только для начала XIX столетия. Его валяет по земле, обкрадывает и морозит в возках полиция, не принимают в больницы как не имеющего «тугамента», ему, наконец, раскалывают затылок, когда волокут по ступенькам. От этого левша и умирает, открывая перед смертью выведенную у англичан «тайну».

* * *

Проблематика индивидуальной и народной памяти, как я старался показать, становится едва ли не центром противостояния за ум и душу современного человека, которое разворачивается на наших глазах между представителями авторитарного государства и нарождающимся гражданским обществом. Ресурсом для обоих является культура. Но если для граждан культура в её высоком и содержательном состоянии — неисчерпаемый источник, то для адептов авторитаризма она инструмент, посредством манипуляций с которым можно на время обмануть несведущих. Перспективность победы каждой из этих сил очевидна сама по себе. Вот почему, чем скорее манипуляциям будет положен предел, тем быстрее в выигрыше окажутся и общество, и государство России.

Аннинский Л.А. 1973. Сотворение легенд. — Лесков Н.С. *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 5. — М.

Бибихин В.В. 2012. *Собственность*. — СПб.

- Гроссман Л. 1960. *Пушкин*. ЖЗЛ. — М.
- Жувенель Б. де. 2010. *Власть. Естественная история её возрастания*. — М.
- Кант И. 1966. *Собр. соч. в 6-ти томах*. Т. 6. — М.
- Кознова И.Е. 2014. Историческая память: проблемное поле современных исследований. — *Проблемы философии культуры*. Вып. 2. — М.: ИФ РАН.
- Лесков Н.С. 1973. *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 5. — М.
- Не вижу возможности дальше жить... 2015. «Не вижу возможности дальше жить...». 34 года ЦК КПСС не решался предать это письмо гласности. — *NewResume — Международный Интернет-журнал*. — № 14. — Доступно: <http://newrezume.org/news/2015-05-14-8942>. — Проверено: 25.09.2015.
- Никольский С.А. 2013. Современная Россия: этап национального государства. — *Государство. Общество. Управление*. — М.: Альпина Паблишерс.
- Никольский С.А. 2014а. О качестве человека. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 2.
- Никольский С.А. 2014б. Живое и мертвое: путешествие Андрея Платонова по царству смерти. — *Вопросы философии*. — № 9.
- Никольский С.А., Филимонов В.П. 2009. *Русское мировоззрение. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия*. Т. 2. — М.
- Ноженко М. 2007. *Национальные государства в Европе*. — СПб.
- Писманик М.Г. 2000. *Религия в истории и культуре*. — М.
- Соловьев Э.Ю. 1991. *Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры)*. — М.
- Хальбвакс М. 2007. *Социальные рамки памяти*. — М.
- Харрисон Л. 2008. *Главная истина либерализма*. — М.: Новое издательство.